Моим скитальцам: Инди и Раффи

Ни один смертный еще не разглядел истинную суть вещей, хоть эти слова нам хорошо знакомы и повторяются изо дня в день. Мы не способны увидеть суть вещей: природа задумала так, что мы воспринимаем их через свою собственную суть. А от самих себя нам не избавиться.

Неизвестный автор.
Статья «Суть вещей»
в газете The Atlas, 1831

1

Мир полон чудес, терпеливо ждущих,
когда мы обратим на них внимание.

Идэн Филпотс, писатель

Все началось с пальца.

Около девяти утра Тильда заметила, что ее правый мизинец куда-то подевался.

Она знала, что это невозможно. Разве палец может куда-то пропасть? Однако на руке, лежащей на компьютерной клавиатуре, теперь было лишь четыре пальца.

Тильда заморгала, пытаясь осознать эту нелепость. Ожидая, что иллюзия вот-вот рассеется. Но это был не обман зрения. Ее палец действительно исчез. Она даже не заметила, как он… Что, отвалился?

Тильда огляделась по сторонам в поисках ответа. Или, точнее, пальца. Никаких следов травмы не наблюдалось. Ни крови. Ни боли.

Она скользнула взглядом по бумагам, которые надо было заполнить, по снимкам, еще не вставленным в рамки, и по раскиданным тут и там аксессуарам для фотокамеры. Ее внимание привлекла пустая банка из-под комбучи.

Неужели ей что-то подсыпали в комбучу?

Тильду охватил прилив адреналина — абсолютного ужаса. Что, если теперь она сходит с ума?

Дыши.

Она сосредоточилась на том, что точно было настоящим. Кабинет, оформленный в теплых тонах, с деревянным полом и большими окнами, впускавшими естественный свет. Стена с любимыми фотографиями в разномастных рамках. Снимки ее дочерей-двойняшек, Холли и Табиты. Они родились из одного чрева, но были совершенно друг на друга не похожи. На одной из фотографий Холли, рыжая зеленоглазая красавица, смеялась, запрокинув голову, а чуть поодаль стояла невысокая светловолосая Таб, вполне уютно чувствующая себя на заднем плане. Дело было вовсе не в том, что Табита страдала от низкой самооценки — напротив, она была уверена в себе даже больше, чем ее сестра.

Вот они обе стоят у Ангкор-Вата.

Вот Холли играет главную роль в школьном спектакле.

А вот Табите вручают медаль на выпускном.

Вот сестры отмечают двадцатый день рождения вместе с бабушкой Фрэнсис. С тех пор минул почти год.

На стене висели и другие снимки. Лучшие подруги Тильды, Лейт и Али, танцуют босиком у нее в саду с бокалами вина. Типичный вечер пятницы.

Ее пес, Бадди, греется зимой у камина с котом Пиратом, закинув на него лапу.

Прямо сейчас Пират наблюдал за ней, лежа на принтере. Тильда встретилась с ним взглядом; похоже, с котом все

было в порядке. Единственный глаз Пирата казался спокойным и всезнающим. Четыре года назад, впервые с ним повстречавшись, Тильда сразу поняла, что Пират многое повидал и многое пережил.

— Мы вряд ли сможем его пристроить, — сказала сотрудница приюта. — Никто не захочет брать кота-инвалида.

Но Тильда знала, каково это — быть одинокой и никому не нужной, и потому принесла его домой. В приюте говорили, что Пират не любит общаться с людьми, но в первый же вечер он запрыгнул к ней на колени и заглянул в глаза. Страхи, сомнения и переживания Тильды тут же улетучились, словно испугавшись кота.

— Ты особенный, — прошептала ему Тильда, утирая слезы.

Пират свернулся клубком у нее на коленях и уснул, будто поверив, что его наконец разглядели по-настоящему.

Даже сейчас, глядя на кота, Тильда успокоилась. В комбучу ничего не подсыпали. Мир оставался прежним, если не считать ее руки.

В чем же тогда дело?

Она мысленно перемотала сегодняшнее утро, пытаясь вспомнить, когда в последний раз смотрела на правую руку. Проснувшись, она выключила будильник, оделась и вывела Бадди на пробежку по пляжу. Бегал, конечно, Бадди, а не она. Как любила говорить сама Тильда, она согласна бежать разве что от погони.

Она гладила пса правой рукой, пристегивала и отстегивала его поводок. Для конца мая день выдался необычно

прохладным, так что Тильда потирала замерзшие ладони, пока Бадди носился туда-сюда. Вернувшись домой, она нашарила ключи за горшком с цветами и открыла входную дверь, впустив Бадди первым. Затем пошла на кухню, сварила кофе, села за рабочий стол и пару минут любовалась рассветом, прежде чем заняться электронными письмами.

— Я ведь обратила бы внимание на пропавший палец? — нервно поинтересовалась Тильда у Пирата.

Тот не смог ответить. Или не захотел.

Тильда поднесла к лицу кулак и один за другим вытянула пальцы, двигая ими из стороны в сторону. Большой палец. На месте. Указательный, а за ним — «грубый палец», как говорила в детстве Холли. Оба в полном порядке. Потом безымянный, он же палец без кольца, «холостой», как называла его Фрэнсис, мать Тильды. Тоже на месте. А потом… Осторожно… Мизинец. На месте.

Что?

Она прекрасно его чувствовала. Он никуда не подевался. Мизинец был на месте — Тильда его просто не видела.

Она отодвинула стул и, спотыкаясь, побрела в ванную. Там, опираясь о раковину, она вгляделась в отражение в зеркале. Как там говорила Сьюзен Зонтаг? «Здравый смысл — это уютная ложь»? Вдруг у Тильды случился психоз или нервный срыв, а она этого даже не поняла? Вдруг она свихнулась? Но ведь тогда она не задавалась бы этим вопросом. Много лет назад ее старый приятель из университета уверился, что за ним следит ЦРУ. Он угодил в лечебницу именно из-за этой уверенности. Насколько Тильде

было известно, люди с психозом всегда считали, что они в полном порядке. Но если она не потеряла рассудок, то что тогда случилось с ее мизинцем? Может, у нее аневризма в мозгу? Аневризмы, говорят, могут влиять на зрение.

«Хорошо, что аневризма не лишает оптимизма», — подумала Тильда.

А вдруг у нее что-то с глазами? Вдруг она ослепнет? Тильда повернулась к стене над унитазом, где висел в рамке плакат с медитирующей мартышкой — подарок от Лейт. Под картинкой маленькими витиеватыми буквами было выведено: «Не держи в себе».

Удостоверившись, что может прочитать слова, Тильда немного успокоилась. Кажется, со зрением все в порядке. Она снова повернулась к зеркалу и вгляделась в свои глаза. Никаких странных пятен или чего-то подобного. Но потом, к своему ужасу, Тильда обнаружила, что ее правое ухо тоже куда-то подевалось. Она подняла правую руку — ту самую, без мизинца, — и отвела в сторону прядь волос, чтобы ощупать ухо. Оно оказалось на месте. Ухо никуда не пропало. Но, как и мизинец, оно стало невидимым.

Тильда развернулась к унитазу, и ее вырвало.

2

Время медленно идет,
но быстро проходит.

Элис Уокер.
Цвет пурпурный

Плиточный пол ванной комнаты источал такой жар, словно под домом разверзлись врата в преисподнюю. Том считал, что подогрев стоит слишком дорого, но Тильда настояла на своем удобстве. Сейчас, пролежав на полу целую вечность, она порадовалась, что победила в том споре. Том ушел и больше не волновался о вложении, а Тильду тепло успокаивало. Она словно отделилась от тела и наблюдала за собой со стороны. Диссоциация. Впервые нечто похожее произошло с ней в тринадцать лет, когда она нашла в саду мертвое тело отца. Это попросту не укладывалось в голове. Воспоминания воспроизводились в замедленном режиме, словно она увязла в грязи. Хотя, возможно, она и правда двигалась так медленно.

Сейчас происходило то же самое: Тильда увидела нечто настолько абсурдное, настолько немыслимое, что отрешилась от реальности. Время замедлилось, ожидая, пока ее разум осознает происходящее. Но вместо этого она вспомнила Тома.

* * *

— Ты уходишь?

— Верно.

На вопрос о том, бросает ли он ее, Том ответил «верно». Словно она попросила его подтвердить телефонный номер или время визита. Тильда уставилась на мужчину, с которым семнадцать лет жила в браке. «Верно»?

Она обратила внимание, что Том приоделся. Привычная трехдневная щетина приобрела более аккуратный вид. Он позаботился о ней, а не просто забыл побриться. Новая стрижка, более стильная. На смену беспорядочным каштановым кудрям, которые Тильда всегда обожала и при первой встрече мысленно назвала «дерзкими и сексуальными», пришла аккуратная прическа вроде тех, что, по мнению мужчин, маскирует залысины. Как она могла ничего не замечать?

* * *

С тех пор минуло пять лет, и, что бы там ни говорили про быстротечность времени, первые годы одиночества сложились из череды бесконечных дней. Ее сердце было разбито, и время ползло медленно, как улитка. Но сейчас Тильда вновь задумалась о теплом поле, который так не нравился ее бывшему мужу, и о том, как быстро пролетели годы. Может, Эйнштейн был прав и время — не более чем навязчивая иллюзия. Она вытянула руки, наслаждаясь теплом. Кто бы мог подумать, что серая плитка с узорами может так успокаивать?

Уж точно не Том.

Он даже не узнает, если она проваляется на полу весь день. Никто не узнает. Но потом Тильда заметила, что на нее смотрят три глаза. Бадди и Пират уставились на нее из дверного проема; один — обеспокоенно, другой — с усталым презрением.

Они в ней нуждались.

Так что Тильда поднялась на ноги.

Опять.

3

В жизни нет ничего, чего стоило бы бояться,
есть только то, что нужно понять.

Мари Кюри

— Рада тебя видеть, Тильда.

Тильда чуть не рассмеялась, услышав слова доктора Маджумдар. Как выяснилось, ее эмоциональный срыв на полу ванной продлился всего двадцать семь минут, опровергнув ее теорию времени — ей-то казалось, она пролежала там несколько часов. Покормив Бадди и Пирата, она позвонила врачу. Ни к чему переживать раньше времени — сначала надо во всем разобраться. Тильда всегда отличалась пугливостью. Том обвинял ее в черно-белом мышлении, но на самом деле разум Тильды был расцвечен целой палитрой красок, включая «навязчиво-тревожный лазоревый» и «бурно-воображающий лиловый». В результате она все время о чем-то переживала — о детях, о мировой обстановке, о грядущем зомби-апокалипсисе. Впрочем, с возрастом она научилась не поддаваться страху, а искать решение. Вот что ей сейчас требовалось. Понимание. Может, пропавший палец — это полная ерунда. Недавно ей попалась новость об ирландке, которая после удара по голове вдруг заговорила по-польски, хотя

в жизни его не учила. В интернете полным-полно таких историй. Наверняка и для Тильды найдется подходящее объяснение. И вот в поисках объяснения она прошла три квартала до клиники, не поднимая глаз — вдруг по пути встретится кто-то знакомый?

Они с Томом переехали в Мидл-Бэй вскоре после рождения двойняшек, когда недвижимость здесь была значительно дешевле. Воспитывать детей в пригороде на берегу моря оказалось намного легче, и Тильда сумела уговорить свою лучшую подругу поселиться здесь же. После приезда Лейт и ее мужа Зигги Тильда обосновалась в Мидл-Бэй насовсем. Вскоре они познакомились с Али, после чего Тильда почти каждый день проводила с подругами и их маленькими детьми. То было хорошее время, полное счастья и надежд на будущее. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Сначала от нее ушел Том, потом дочки переехали в город побольше, в часе езды отсюда. Но для Тильды Мидл-Бэй был домом. Здесь жили ее лучшие друзья. Здесь она построила бизнес. Здесь она знала всех собачников, владельцев местного кафе, книжного магазина и парикмахерской. Здесь она называла лечащего врача по имени.

Тильда смотрела, как Гуриндер Маджумдар открывает на компьютере ее медкарту. Последний раз она приходила на прием полтора года назад, чтобы сдать мазок с шейки матки. Очередное неприятное дело, которым тем не менее нельзя пренебречь. Процедура была еще более неловкой из-за того, что дочь Гуриндер, Приша, училась вместе

с двойняшками Тильды. Будучи родителями, они нередко встречались на школьных собраниях, и Тильде всегда казалось немного странным обсуждать барбекю с женщиной, которая видела ее промежность.

Конечно, Гуриндер держалась с неизменным профессионализмом. Каждый осмотр сопровождался дружеской беседой о садоводстве или индийских специях. Как-то раз Тильда сходила в другую клинику, но в итоге продолжила лечиться у Гуриндер: та единственная сумела диагностировать ее аллергию на баклажаны. Гуриндер была прекрасным врачом, а Тильда предпочитала избегать перемен.

— Чем я могу тебе помочь, Тильда? — негромко сказала Гуриндер с мелодичным акцентом. Она как-то раз упомянула, что родилась в Мумбаи.

— Звучит бредово, но… я не вижу свой мизинец. — Тильда положила руку на стол.

Гуриндер прищурилась, глядя поверх очков.

— Он пропал.

Тильда облегченно вздохнула:

— Хорошо, что ты тоже это видишь.

— Точнее, не вижу.

— Именно. Я думала, что схожу с ума. Но если и ты его не видишь, значит, с моими глазами все в порядке и с душевным здоровьем тоже.

— Похоже на то. — Гуриндер пристально ее разглядывала, будто пыталась подловить на противоречии. Ей всегда удавалось вытянуть из пациентов все, что они знали, а потом использовать свои познания в медицине, чтобы

докопаться до сути. Еще одно качество, которое делало ее прекрасным врачом.

— Что-нибудь болит?

Тильда помотала головой. До этого момента ей удавалось держать себя в руках.

— Не болит, но у меня, кажется, вот-вот случится паническая атака.

— Просто дыши. Мы со всем разберемся.

Тильда послушалась. Гуриндер взяла ее за руку и проверила пальцы один за другим, так, как сделала утром сама Тильда. Добравшись до мизинца, она хорошенько его подергала.

— Он на месте, просто стал невидимым, — констатировала Гуриндер. — Когда появились симптомы?

— Я заметила всего пару часов назад. — Тильда убрала волосы с лица. — Ухо тоже куда-то подевалось.

Гуриндер посмотрела на место, откуда должно было расти ухо. Она явно напряженно думала, совсем как в тот день, когда диагностировала у Тильды аллергию на баклажаны. Протянув руку, она подергала Тильду за ухо и издала задумчивый звук «м-м-м».

— Стало невидимым, но не исчезло.

Откинувшись на спинку стула, она смерила Тильду пристальным, изучающим взглядом.

— Сколько тебе лет, Тильда? — Гуриндер повернулась к компьютеру, готовясь записать ответы.

— Пятьдесят два.

— Как твое самочувствие?

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru